

УДК 712.01/03

Окладникова Е. А.,
Марова А. О.

**МЕТАПРОСТРАНСТВО ДАЧНЫХ
ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРНЫХ
ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕТЕРБУРГА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

АННОТАЦИЯ

Цель настоящего исследования – выявление и описание инерционных, т. е. независимых от присутствия человека, внешних, объективных, природных и неинерционных (силовых), т. е. субъективных, изменчивых, знаково-символических, мифопоэтических признаков загородных дачных территорий, расположенных к северу от границ современного Петербурга на расстоянии до 90 км. Эти территории исполнены мощными символическими маркерами (стилисткой архитектурных сооружений, легендами и быличками, связанными с этими постройками, судьбами владельцев и архитекторов), образующими особое, в культурном и историческом аспектах, мета-пространство. Дачные ландшафты северных окрестностей Санкт-Петербурга повествуют об особенностях культуры богатых слоев населения столицы России конца XIX – начала XX вв.

Собранный в статье материал об особенностях дачных ландшафтов северных окрестностей Петербурга был изучен методами пространственно-семиотического и аксиологического анализа. В результате анализа были получены данные, которые свидетельствуют о следующем: в силу воздействия комплекса инерционных и не-инерционных факторов дачные ландшафты как метакосмос стали интеграторами совершенного уникального пласта истории России конца XIX – начала XX вв.; сегодня подавляющая часть этих ландшафтов находится в плачевном состоянии запустения и разрухи; при условии надлежащего контроля со стороны общественности эти ландшафты и маркирующие их объекты могут стать объектами национального достояния России.

Ключевые слова: дачные ландшафты; историко-культурное наследие; пространственно-семиотический анализ.

*Elena A. Okladnikova,
Alina O. Marova*

**METASPACE OF SUBURBAN
LANDSCAPE OF THE NORTHERN
ENVIRONS OF ST. PETERSBURG IN THE
LATE XIX - EARLY XX CENTURIES**

ABSTRACT

The purpose of this study is the identification and description of inertial, i.e. independent of the presence of a man and external, objective and non-inertial (powerful), i.e. subjective, changeable, symbolic, mythopoetic signs of suburban areas located 0-90 km to the North of the borders of modern Petersburg. These areas are filled with powerful symbolic markers (the style of architectural structures and legends associated with these buildings, the fates of the owners and architects etc.) that form something special in cultural and historical aspects of the so called metaspace. The suburban landscapes of the Northern environs of St. Petersburg tell us about the culture of the wealthy strata of the population of the capital of Russia in the late XIX – early XX centuries.

The information about the features of the country landscapes of the Northern environs of St. Petersburg presented in the article was studied with the methods of the semiotic and axiological analysis. The obtained analysis data show the following: due to the effects of complex inertial and non-inertial factors the country landscapes as metaspace phenomena are now the integrators of unique stators of the Russian history of the late XIX – early XX centuries; today, most of these landscapes are in a deplorable state of desolation and ruin; provided adequate control by the public, these landscapes and landmarks can become the sites of national property of Russia.

Key words: suburban landscapes; historical and cultural heritage; semiotic and axiological analysis.

Историко-культурное понятие «ландшафт» возникло более десяти веков назад, хотя в научный оборот оно было введено в начале XIX в. Даже краткий экскурс в историю этого понятия проясняет высокую степень его конвенциональности. Для изучения ландшафта исследователями выбирается тот угол зрения, который позволяет проявить конкретную исследовательскую цель. Мы рассматриваем его в настоящей статье как «месторазвитие», как определили ли бы его теоретики евразийства, в частности, Н.С. Трубецкой и П.Н. Милюков [см.: 2, 5]. Согласно евразийской концепции, «ландшафт» – это место, в котором человек или группа людей осуществляет свой жизненный цикл, развивается, на которое воздействует с различными целями и различными средствами. На протяжении всей истории человечества люди были неразрывно связаны с ландшафтом и взаимодействовали с ним: сначала приспособляясь к его условиям, затем изучая, пытаясь подчинить и модифицировать его под свои нужды, изменить, использовать. Сегодня такое взаимодействие называется культурным. Пожалуй, самое ценное для нас сегодня – это то, что мы можем наблюдать последствия, результаты этого взаимодействия; можем прогнозировать, планировать и выстраивать наиболее оптимальные пути освоения ландшафтов, оказавшихся в поле нашего интереса по тем или иным причинам, на основании уже имеющегося опыта. Такие места, которые хранят в себе историю не просто человеческого вмешательства, но и историю самих людей, можно назвать топохроном, неким метапространством. Топохрон – это территория, «обремененная» историей, которую эта местность воспроизводит во времени.

Например, загородные дачи и загородные резиденции крупных петербургских промышленников, политических деятелей, юристов, мастеров искусств конца XIX – начала XX вв., расположенные по взморью юга Финского залива, по Финляндской железной дороге, северных пригородов Петербурга – яркий пример таких топохронов как метапространств с соответствующей им особой поэтикой. Будучи однажды возведенными по проектам известных архитекторов той эпохи в стиле арт-нуво, эти постройки, в полном

смысле этого слова, оказались «исполненными» знаками-символами, маркирующими их событиями истории обитавших в этом месте людей. Поэтика топохронов дачных построек и загородных резиденций юга взморья Финского залива накладывала отпечаток на жизнь людей следующих поколений. Получив однажды свое назначение (часто определенное «интуитивно», исходя из общих окружающих условий, а потому оптимальное и правильное), такие места начинают воспроизводить его во времени, создавая эффект «судьбы» места.

В этом контексте в данном исследовании мы постараемся описать *инерционные* и *силовые составляющие* топохронов загородных дачных территорий, расположенных в северных окрестностях Петербурга. Мы рассмотрим дачи конца XIX – начала XX вв., расположенные на расстоянии 20-90 км от Санкт-Петербурга на север, в Выборгском направлении, с позиции сравнительного историко-культурологического анализа. Мы также постараемся определить степень и направления воздействия инерционных (упрощенно – независимых внешних, объективных, т. е. природных) и неинерционных (т. е. субъективных, изменчивых, знаково-символических, мифопоэтических) факторов, способствовавших возникновению этих метапространств.

Ландшафт северных окрестностей Петербурга, Финской железной дороги и взморья Финского залива как географическая территория характеризуются следующими *географическими особенностями*: связью с водными пространствами (Финский залив, система внутренних озер Карельского перешейка); наличием лесных массивов, среди которых преобладают сосняки, смешанные леса, болота; включенностью этих территорий в хозяйственную деятельность (обработанная земля около бывших финских хуторов, колхозных и совхозных угодий советской эпохи); относительно мягкими климатическими условиями, зависимыми от морского воздействия.

Историческими и политическими особенностями этого ландшафта являются: расположение на пограничье между Россией и скандинавскими странами, в частности,

непосредственное соседство с Финляндией; включение этой территории в состав Российской империи в качестве «окна в Европу» усилиями Петра I; переходное состояние этой земли в политическом плане (начиная с XVI в., шведско-русские, а позднее русско-финские войны); близость к крупному российскому мегаполису, до 1917 г. имевшему статус столицы Российской империи. Как убедительно продемонстрировали работы Д.Н. Замятнина (теоретика гуманитарной географии), И.И. Митина (теоретика мифогеографии), В.Л. Каганского (теоретика культурной географии), именно в пересечении этих физико-географических и историко-культурных факторов наиболее удобно наблюдать работу и спектр взаимовлияний этих инерционных (собственно природно-географических) и неинерционных (исторических, ускоряющих развитие этих территорий) сил, влияющий на формирование топохрона загородных дачных территорий, расположенных в северных окрестностях Петербурга [1, 4].

К *инерционным* свойствам дачных ландшафтов окрестностей Петербурга, примыкающих к городу с севера, выделяются следующие: чистый воздух, лесной пейзаж, обширные природные водоемы, отсутствие городской суеты, возможность заниматься водными видами отдыха (яхты, катание на лодках по заливу и озерам), походы в лес за ягодами и грибами, лыжный отдых зимой и т. п. Именно они превратили эти районы в комфортабельные с этой точки зрения дачные территории в конце XIX – начале XX вв. И поддерживают таковой статус этих земель и ныне.

К *неинерционным*, или «силовым», свойствам, определяющим в конце XIX – начале XX вв. облик географических пространств к северу от Петербурга, относятся следующие: развитие промышленности Петербурга, расширение зоны капиталистической застройки города, усиление городского трафика, ускорение темпа городской жизни, политическая напряженность, характерная для столичной жизни; стремление обеспеченной части городского сообщества к организации летнего отдыха в рекреационных зонах, расположенных в экологически более благоприятных

районах, не очень далеко от Петербурга, что дает возможность для глав семей приезжать в город на работу; возрождение идеи усадебного быта России XVII-XVIII вв.; связь направления и масштабов дачного строительства в окрестностях Петербурга (северное направление) с работой финляндской железной дороги; вовлеченность владельцев дачных домов в элитарную культуру и промышленную жизнь Петербурга, что определяло планировку, размеры, эстетический облик дачных построек. Поэтому важным «силовым» свойством дачных ландшафтов северных окрестностей Петербурга стала рефлексия социально-экономического и социально-политического развития капиталистических отношений в России начала XX в., отразившаяся в функции дачного строительства той эпохи.

Функциональными характеристиками этих построек являются следующие: 1) место семейного отдыха, организация семейного досуга в чистой атмосфере загородной резиденции; 2) поправка здоровья, которая предполагала прогулки пешком и верхом, игры на свежем воздухе с детьми, купание в озерах или в заливе, употребление в пищу продуктов, выращенных местными крестьянами; 3) чтение книг и иные виды интеллектуального досуга. Так, например, на даче Агафона Фаберже, расположенной на Песочном шоссе (пос. Осиновая роща, 10 км от границы современного Петербурга на север) были собраны коллекции декоративной резной мебели, gobеленов, драгоценных камней, марок и т. д., разбит прекрасный парк, на территории дачи находилась конюшня для содержания коней для прогулок верхом и охоты (рис. 1). Дача Фаберже представляет собой трехэтажный особняк кирпичной кладки, в стиле английского коттеджа. Кроме обыкновенных функциональных помещений (спальни, залы для приемов и танцев и пр.) Агафон Фаберже устроил там себе небольшую мастерскую, где проводил немало времени за работой. На верхнем этаже усадьбы под стеклянной прозрачной крышей был расположен зимний сад (рис. 2-4.).

Рис. 1. Дача А. Фаберже и ее владелец.
Фото 1913 г.¹

Fig. 1. Villa of A. Faberge and its owner.
Photo 1913.

Рис. 2. Современное состояние дачи
А. Фаберже. Фото А.О. Маровой, 2014 г.
Fig. 2. Contemporary state of the villa of
A. Faberge. Photo by A. Marova, 2014.

Рис. 3. Интерьер дачи А. Фаберже сегодня.
Парадная лестница. (Фото А.О. Маровой).
Fig. 3. The interiors of the villa of A. Faberge today.
The Grand staircase. Photo by A. Marova, 2014.

Рис. 4. Камин. Фрагмент интерьера дачи
А. Фаберже. Современное состояние.
(Фото А.О. Маровой)
Fig. 4. The fireplace. The fragment of the
interiors of the villa of A. Faberge. Modern
state. Photo by A. Marova, 2014.

На даче петербургского промышленника А. Крузеля, который был зятем Альфреда Нобеля, расположенной на берегу озера Каннельярви (Побединское озеро, 86 км к северу от Петербурга), также находилась библиотека, собрание скульптуры и живописи. В доме было несколько спален, две больших гостиных, закрытая веранда и открытый балкон. Веранда использовалась для чаепитий, настольных игр в дождливую погоду, чтения в вечерние часы. В доме было паровое отопление и канализация, следы которой сохранились с восточной стороны дома (рис. 5-6).

¹ Woman SPb. URL: <http://womanspb.ru/forum/razdel30/tema22284/skip30/> (дата обращения: 05.07.2014).

К дачным резиденциям такого типа, как правило, примыкал большой обустроенный участок, который не только был специально спланирован архитектором-строителем дома, но и соответствующе оформлен как парковая зона. Например, на даче А. Фаберже был разбит регулярный парк, к слову сказать, – один из лучших образцов таковых конца XIX в., с солнечными часами из живых деревьев, аллеями, фонтаном и прудом. Вокруг дачи А. Крузеля, так же, как на даче А. Фаберже, был разбит обширный парк, в котором были дубовые, еловые и лиственничные аллеи, причал для лодок, т. к. дача располагается на большом мысу, вдающемся в озеро Каннельярви. Рядом с домом с южной

стороны располагалась большая поляна для отдыха в солнечную погоду, стояла дачная мебель. С юго-восточной стороны в парковой зоне, примыкавшей к дому, стояли скульптурные группы, от которых остались лишь бетонные и каменные основания. К дому вела грунтовая дорога от железнодорожной станции Каннельярви.

Эстетические особенности дачных построек. Возникнув почти одновременно, а именно, в самом конце XIX – в первые десятилетия XX вв., они являются памятниками архитектуры двух стилей: северного модерна (русский вариант арт-нуво) и эклектики. Материалом для строительства было дерево или каменные блоки и кирпич. Большинство дачных сооружений имеют следующие конструктивные особенности: 1) двух- или трехэтажность постройки; 2) акцентированный портиком парадный вход; 3) башенку-надстройку; 4) застекленные веранды; 5) балконы и крытые галереи второго яруса; 6) ви-

тражи; 7) обилие декоративных резных деталей, орнаментальные мотивы, созданные по мотивам городского искусства арт-нуво, русской народной орнаментики или скандинавского орнамента; 8) резные детали деревянных дачных домов были выделены цветом (окрашены белой краской).

Дача А. Крузеля построена в стиле европейского арт-нуво. Это трехэтажная постройка с глубоким подвалом и мансардно-чердачным помещением. Фундамент и входной портик сделаны из крупных, красиво отесанных, хорошо подогнанных друг к другу гранитных глыб. Тройные и двойные оконные проемы выполнены в стиле северного модерна. Крыша была черепичной. Здание украшено открытыми балконами, эркерами и верандами. Общий облик здания массивный и асимметричный, по типу близок к немецким дачам XIX–XX вв. (домик Гете, дача Метерлинка, дача Т. Манна и др.) (рис. 7).

Рис. 5. Дача А. Крузеля в Каннельярви.
Фото 1915 г.¹

Fig. 5. Villa of A. Kruzel in Kanneljarvi.
Photo 1915.

Рис. 6. Современное состояние дачи А. Крузеля (фото Е.А. Окладниковой, 2013 г.).

Fig. 6. Villa of A. Kruzel. Modern state
(Photo by Okladnikova E.A., 2013).

¹ Усадьба Крузеля. URL: <http://urban3p.ru/object9553/>
(дата обращения: 05.07.2014).

Рис. 7. Для сравнения – дача Т. Манна¹ в поселке Нуда в Литве.

Fig. 7. For comparison – the villa of T. Mann in Nida, Lithuania.

Рис. 9. Дача театрального деятеля А.М. Юхневича в пос. Комарово³. В этом особняке в т. ч. жила знаменитая русская балерина М.Ф. Кшесинская.

Fig. 9. Villa of Yukhnevich, the settlement Komarovo. In this mansion also lived a famous Russian ballerina M.F. Kshesinskaya.

Рис. 8. Дача Анны Вырубовой, мемуаристки, фрейлины, ближайшей подруги императрицы Александры Федоровны, в пос. Репино².

Fig. 8. Villa of Anna Vyubova, a memoirists, maid of honor, the closest and most faithful friend of the Empress Alexandra Fedorovna; Repino.

Рис. 10. Дача Г.В. Барановского, русского архитектора, гражданского инженера, искусствоведа и издателя, или, как ее еще называли – «Замок Арфа» (Harppulinna), пос. Комарово⁴.

Fig. 10. Villa of G.V. Baranovsky, a Russian architect, civil engineer, art historian and publisher, or as it was called – «the Harp Castle» (Harppulinna), settlement Komarovo

Пространственно-смысловые маркеры дачного ландшафта окрестностей Петербурга (северное направление). Наиболее плотно застроенными дачными сооружениями в начале XX в. оказались: район побережья финского залива (дачи А.А. Вырубовой (рис. 8.), И.Е. Репина, Г.В. Барановского (рис. 10),

дача А.М. Юхневича (рис. 9) и др.); близкие к Петербургу районы (Осиновая Роща, дача А.К. Фаберже); районы, отдаленные от Петербурга, но связанные с озерами (дача Крузеля).

Например, в окрестностях железнодорожной станции Каннельярви в конце XIX – начале XX вв. владельцами дачных домов были

¹ Дачи немецких поэтов и философов. URL: <http://www.dw.de/> (дата обращения: 05.07.2014).

² Особняк прошлого. URL: http://clubs.ya.ru/4611686018427405728/replies.xml?item_no=21213 (дата обращения: 05.07.2014).

³ Репино. Незолотая старина. URL: http://www.spletnik.ru/blogs/pro_zvezd/69783_gepino-nezolitaya-starina (дата обращения: 05.07.2014).

⁴ Архитектор Г. В. Барановский. URL: <http://abravorus.livejournal.com/297139.html> (дата обращения: 05.07.2014).

довольно известные и интересные люди: «С появлением железной дороги, связавшей Каннельярви с Санкт-Петербургом, в окрестностях озера стали строиться особняки столичных дачников. Русским господам приглянулся этот живописный край, поездка в который занимала чуть более двух часов. Дачи возводили с размахом, в несколько этажей, с верандами и балконами. Возле одной из вилл вскоре появилась небольшая православная церковь и гостиница. Впоследствии, когда граница с Россией закрылась и дачники пропали, многие здания, в том числе и эта церковь, были разобраны и проданы другим хозяевам. Список владельцев дач состоял из 22 лиц: Стеварт Анструтер, унтерофицер Георг Дорелл, Георг Свихтенберг, Генриэтта Пето, заводчик Тарас Белозерский, Евгений Беков, Евген Людвиг Криегнайер, Г. П. Горячкин, П. В. Чаман, купец Семен Завьялов, коллежский советник Илья Евстигнеевич Карпов, директор Ялмари Срузелл, Иван Иванович Йохансон, Карл Вестберг, Николай Петрович Федотов, Дмитрий Кислов, Егор Варон, Элизабет Пушкина, полковник Владимир Отто, Кирил Петрович Харченко, Григорий Герасимович Кузнецов, Йоган Йохансон. Особенно выделялась среди других дач роскошная вилла петербургского заводчика Крузеля, который являлся зятем известного изобретателя динамита Альфреда Нобеля. До 1912 г. у мыса, глубоко вдающегося в озеро, стояла его деревянная дача. Осенью 1913 г. вместо нее выросло новое трехэтажное каменное здание, богато декорированное как внутри, так и снаружи. Владелец особняка исчез в «кровавой бане» русской революции, а дом выкупил Герман Мяттянен. Приведя здание в порядок, он устроил там небольшой пансионат, который затем на короткое время стал туберкулезным санаторием. Русское население деревни было представлено не только праздными дачниками...»¹.

Дачи и земли, на которых они располагались, были центрами власти и геополитического смыслополагания в тех территориях, которые переходили из рук в руки в XX в., от финнов к русским, от богатых русских царской

России – к красноармейцам, от военных – к новым русским поселенцам, а затем и к новым советским властям, новым советским дачникам. Если сначала, в эпоху дачного строительного бума начала XX в., они были маркерами власти капитала, царской политики, серебряного века русской культуры, то после событий 1917 г. они стали местами адаптации новых форм общественных отношений: в них разместились общественные здания, почтовые отделения, местные комитеты, библиотеки, детские сады, пансионаты, госпитали и т. п. Военные переделы территории пагубно сказались на судьбе многих дачных построек: они горели, приходили в запустение, разбирались на дрова и постройки новых поселенцев (после 1939 г.). До конца XX в. сохранились только те дачные постройки, которые по счастью не сгорели и были адаптированы под общественные нужды, как говорилось выше.

В постперестроечный период, когда рухнули институты советской эпохи (закрылись детские оздоровительные лагеря, санатории, земли стали передаваться в частное пользование), большинство дачных построек начала века на финско-карельском направлении пришли в полную негодность. Это произошло еще и потому, что эти постройки, как «наследие царского режима», не подлежали никакому ремонту. Их безжалостно эксплуатировали, перестраивали, перепланировали, не взирая при этом на отсутствие общего плана перестройки (сносили несущие конструкции, ломали лестницы, выламывали двери, оконные рамы, уничтожали витражи...). Очевидцы этих событий рассказывали нам², что население из-под Пскова, переселенное после Второй мировой войны в бывшие курортные места, расположенные в северном направлении от Ленинграда, относилось к так называемым «финским домам» как к чему-то бесхозному и чуждому. Уникальные архитектурные сооружения не пытались восстанавливать и заселять, но строили рядом убогие домишки, в которых и селились. Дача Крузеля была окончательно разгромлена жителями поселка Победа в конце 1950-х –

² Записи личных интервью; респонденты – профессора СПбГУ, старожилы дачного поселка Комарово (Выборгская ж/д), сотрудники научно-исследовательских институтов РАН. Архив Окладниковой Е.А., СПб., 1995-2000 гг.

¹ Каннельярви: история. URL: http://findmapplaces.com/10189614_Каннельярви/ (дата обращения: 05.07.2014).

начале 1970-х гг. Местные старожилы нам с горечью рассказывали, как местные трактористы выламывали и тащили тракторами бронзовую парковую скульптуру сдавать в утиль, вывозили на подводах цветной металл: люстры, вазы, парковые светильники, деревянные резные панели и т. п.¹ И сегодня на берегу озера в мелководье можно видеть затопленные фрагменты каменных парковых ваз. Запустение и разрушение этих сооружений продолжается и сегодня, несмотря на то, что многие из них были взяты под опеку государства как исторические памятники; некоторые из них, к примеру, дача А. Фаберже на Песочном шоссе, является и сегодня объектом федерального значения, подлежит охране и обязательной (!) реконструкции.

Исключение, пожалуй, составляет только усадьба «Пенаты» в поселке Репино, которая получила статус историко-художественного музея, а также дача А.А. Вырубовой, по счастливой случайности попавшая в «хорошие руки»² и в результате полностью реконструированная, как и некоторые другие дачи в поселке Комарово.

Одним из трагических для исторического ландшафта окрестностей Петербурга (карело-финское, северное направление) последствий этого пагубного процесса стало необратимое изменение ландшафта, ибо утрата одного ландшафтного топоса (дачной постройки как уникального функционального, эстетического, садово-паркового, смыслового, мифопоэтического феномена – топохрона) делает весь этот ландшафт уязвимым, меняет его до неузнаваемости. Дело в том, что исторические, т. е. созданные руками людей, ландшафты, даже дачные, начала XX в., которые находились в лимитрофной зоне (между городом и собственно деревенским миром), не просто проживались или функционировали в системе социальных институтов досуговых практик того времени. Эти ландшафты переживались и переживаются людьми, как «мыслимые миры», исполненные своей поэзии и мифологии.

¹ Записи личных интервью; респонденты – жители совхоза Победа. Архив Окладниковой Е.А., СПб., 2000-2012 гг.

² К реконструкции здания дачи А. А. Вырубовой имела отношение экс-губернатор В. И. Матвиенко.

Мифопоэтика дачных ландшафтов окрестностей Петербурга карело-финского направления. Эти ландшафты проживались людьми, их создавшими, и их использовавшими. Более того, эти ландшафты переживались в единстве их пространств, вещей, смыслов и мифов. «Это были самостоятельные жизненные миры, вписанные в прагматику бытия той бурной эпохи, и исполненные своей духовностью. Символические качества ландшафтов создают социальные значения, которые, в свою очередь, оказываются в фокусе исследований» [6]. В этом контексте такое «место» (дача, усадьба) – это «многослойный феномен, объединяющий прошлые и современные функции, идеологии и физические контексты» [8]. Мифопоэтика таких мест формируется в рамках метафизики ландшафтов, на пересечении философии топохрона данных ландшафтов и систем представлений о них. Эти системы представлений включают: 1) дачный фольклор; 2) мифологическую традицию об отдельных дачных строениях (рассказы о привидениях, тайных обрядах, которые устраивали их владельцы, кладах, местные географические мифы и т. п.); 3) исторические былички (о расхищении сокровищ дачных резиденций А. Фаберже, Крузеля и др.); 4) вписанность дачных сооружений в поэзию Серебряного века (стихи о Финском взморье А.А. Ахматовой); 5) связь с историческими персонажами, деятелями русской истории и культуры (дача А.А. Вырубовой, дача В.С. Мейерхольда (где он жил в 1930-х гг. с труппой своего театра), дача М.Ф. Кшесинской) и др. В результате возникают общетерриториальные ментально-географические символические структуры, формирующие образы исторических ландшафтов [3]. Неудивительно, что с этих исследовательских позиций ландшафты, представляемые как красочный способ репрезентации среды обитания человека, могут исследоваться во множестве источников и плоскостей: в картинах на холсте, в текстах на бумаге, в образах кино, так же как и в реальности на земной поверхности [7].

Например, рассуждая о способах прочтения городского ландшафта как текста, в его мифопоэтическом контексте, А. Баглаевский

писал: «...Текстуальный Гданськ – скажем с самого начала – есть место-палимпсест перемешанных и затаенных цивилизационно-материальных культурных пластов, своеобразный сплав следов, фрагментов, элементов, которые можно “выгрести” из-под новоявленных напластований и которые можно читать на разных языках <...> Эти пласты только разом, а не каждый в отдельности, становятся “Гданськом”» [Цит. по: 4, с. 15]. Так и петербургские дачи начала XX в., которые в свое время стали объектами концентрации культурных смыслов, т. е. были насыщаемы событиями исторической важности, на сегодняшний день ценны пластами своей истории, а именно, отпечатками, пространственно-временными следами разных эпох. Эти когнитивные пространственные сочетания формируют образы территорий. Как известно, образы территорий являются не только идеологическими, лежащими в основе патриотических представлений, но и объектами маркетинга, продуктами туриндустрии и рекламы.

Наше исследование открывает возможность выработать некоторые *рекомендации по использованию* дачных ландшафтов. Сегодня большинство из них – это свалка старых ненужных фрагментов былой истории, просто развалины, в полном смысле – руины. Но на самом деле, – это цельная природно-историческая среда, которая может значительно расширить границы духовности и жизненного мира грядущих поколений. Способом расширения могут служить известные в Европе методики обретения-наращивания-восстановления жизненного мира современных людей. Одна из таких методик – включение памятников в систему современной туриндустрии в качестве материала для экскурсий: 1) исторических; 2) спортивных – часть памятников дачного ландшафта начала XX в. уже работает в самостоятельном молодежном «экстремальном» туризме; 3) по истории мастеров искусств (репинские «Пенаты» не первый год воплощают в жизнь эту модель включения исторического памятника в современную социокультурную действительность); 4) о знаменитых архитекторах начала

XX в. на примерах их работ – многие из дач и усадеб действительно являются ценными историческими источниками по архитектуре начала XX в.; 5) дачи начала XX в. и усадебные постройки также могут выполнять функции мемориальных музеев по аналогии с музеями-квартирами.

Отдельно хочется обратить внимание на возможность использования этих сооружений в иных функциональных целях, но с сохранением историко-культурного облика. В частности, дача А. Фаберже в 2007 г. была передана Горному университету под музей для его коллекции драгоценных камней, но с обязательством восстановить усадьбу. Однако в результате бумажной волокиты с того времени на территории усадьбы ничего не происходит. Здание стремительно ветшает, некоторые разрушения становятся необратимыми (провалы крыши, обрушения стен и т. п.). Закономерно возникает вопрос – какова цель руководства Горного университета в этом случае? Не лучше ли для судьбы усадьбы передать ее, к примеру, частным лицам или организациям, как это было сделано со многими зданиями в самом Петербурге, с таким же обязательством к восстановлению? Эти и многие другие вопросы, судя по всему, не решаются без общественного вмешательства. В этой связи ценной могла бы оказаться культурологическая экспертиза, по результатам которой для каждого памятника дачной архитектуры начала XX в., кроме полного историко-культурного описания, были бы выработаны и конкретные рекомендации по оптимальным вариантам использования этих объектов в современной культурной, образовательной, производственной (туриндустрия) практиках.

Подводя итоги нашего исследования, акцентируем внимание на ключевых моментах. Территория, граничащая с Петербургом в радиусе до 80 км, несет в себе множество ценных историко-культурных ландшафтных объектов, в частности – дачных, созданных в начале XX в. Ценность этих объектов определяется степенью их вовлеченности в общую социокультурную ситуацию, а именно: связь этих

объектов истории и культуры с выдающимися личностями своего времени из числа владельцев, с известными промышленниками, заводчиками, юристами, артистами, а также с выдающимися архитекторами, которые их строили. В силу стечения определенных обстоятельств, в частности, в силу воздействия комплекса инерционных и силовых факторов, эти места-дачи как маркеры топохрона стали интеграторами совершенно уникального пласта истории России конца XIX – начала XX вв. Дачные постройки начала XX в. богаты культурной памятью, как своеобразные «эпицентры» самых значимых событий бурной эпохи истории России. Однако, несмотря на это, большинство таких объектов оказались на сегодняшний день без должного присмотра, ухода и заботы. В результате, они с каждым годом все больше и больше приходят в упадок. В итоге мы имеем деревянные развалины, каменные руины и дикие заросли на местах, которые могли бы служить совершенно иным – как узко-историко-искусствоведческим, так и широко-практическим социокультурным целям и задачам. Причинами такого запустения могут служить отсутствие должного внимания со стороны общественности, в том числе и за-

интересованной (историки, искусствоведы, архитекторы, общественные организации), отсутствие должного регулярного и поэтапного контроля над состоянием объектов историко-культурного наследия, особенно над состоянием тех объектов, которые были переданы организациям с условием реконструкции/ремонта/реставрации.

Выход из сложившейся ситуации мы видим в привлечении общественного внимания к данной проблеме; в привлечении внимания специалистов, в первую очередь специалистов культурологического сообщества – так как вопрос касается структурно сложных объектов, требующих комплексного, всестороннего, многофакторного культурологического анализа; в привлечении специалистов из различных сфер – архитекторов, художников, проектировщиков (многие такие места привлекают даже сейчас фотохудожников, которые находят эти места «заораживающими» в игре света, цвета, архитектурных форм и т. д.); в поиске альтернативных средств и мотивации финансирования и рефинансирования работ по восстановлению таких объектов с целью их сохранения и дальнейшего успешного использования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / Отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. 760 с.
2. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М.: Прогресс, 1993.
3. Митин И.И. Мифогеография: новые механизмы интерпретации пространств. URL: <http://imitin.at.tut.by> (дата обращения: 05.07.2014)
4. Митин И.И. Пространственные мифы и множественные реальности // *Communitas*. 2005. № 2. С. 12-15. URL: http://communitas.narod.ru/3-Communitas_2_2005_Mitin.pdf. (дата обращения: 05.07.2014).
5. Савицкий П.Н. Континент Евразия М.: Аграф, 1997. 464 с.
6. Cosgrove D., Jackson P. New directions in cultural geography // *Area*. 1987. Vol. 19. № 2. Pp. 95-101.
7. Daniels S., Cosgrove D. Introduction: The iconography of landscape // *The iconography of landscape: Essays on the symbolic representation, design and use of the past environments* / Ed. by S. Daniels, D. Cosgrove. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Pp. 1-10.
8. Urbanc M., Printsman A., Palang H., Skowronek E., Woloszyn W., Gyuró E.K. Comprehension of rapidly transforming landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th century // *Acta geographica Slovenica*. 2004. Vol. 44. №. 2. Pp. 101-131.

REFERENCES:

1. Zamyatin, D. N., Zam'atina, N. Yu., Mitin I. I. Modeling of Images of Historical and Cultural Territory: Methodological and Theoretical Approaches. Moscow.: Institut Naslediya, 2008. 760 p.
2. Milyukov, P. N. Essays on the History of Russian Culture: in 3 vol. Moscow.: Progress, 1993.
3. Mitin I. I. Mifogeografiya: The New Mechanisms of Space Interpretation. URL: <http://imitin.at.tut.by> (date of access: July 05, 2014).
4. Mitin I. I. Spatial Myths and Plural Realities *Communitas*. № 2 (2005). Pp. 12-15. URL: http://communitas.narod.ru/3-Communitas_2_2005_Mitin.pdf. (date of access: July 05, 2014).
5. Savitskiy, P. N. Continent Eurasia Moscow: Agraf, 1997. 464 p.
6. Cosgrove, D. and Jackson, P. New Directions in Cultural Geography. *Area*. Vol. 19. № 2 (1987). Pp. 95-101.
7. Daniels, S., Cosgrove, D. Introduction: The Iconography of Landscape. *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of the Past Environments*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Pp. 1-10.
8. Urbanc, M., Printsman, A., Palang, H., Skowronek, E., Woloszyn, W. and Gyuró, E.K. Comprehension of Rapidly Transforming Landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th Century. *Acta Geographica Slovenica*. Vol. 44. № 2 (2004). Pp. 101-131.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Окладникова Елена Алексеевна
доктор исторических наук, профессор
Российский государственный
педагогический университет им.
А.И. Герцена
набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-
Петербург, 191186, Россия
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Марова Алина Олеговна
кандидат педагогических наук
Свободный исследователь
E-mail: pochtaale@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS:

Okladnikova Elena Alekseevna
Doctor of Historical Sciences, Professor
Herzen University
48 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Marova Alina Olegovna
PhD in Education
Free Researcher
E-mail: pochtaale@mail.ru